КОРМИЛИЦА ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ.

1719 г.

СТАТЬЯ

МИХАИЛА СЕМЕВСКАГО.

Извлечено изъ журнала «Разсвѣтъ», № 1, 1861 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВУЛЬФА.

1861.

КОРМИЛИЦА
ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ.

1719 г.

СТАТЬЯ

МИХАИЛА СЕМЕВСКАГО.

Извлечено изъ журнала «Разсвѣтъ», № 1, 1861 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВУЛЬФА.

1861.

КОРМИЛИЦА

ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ.

1719 г.

I.

«До девяти лѣтъ царевичъ Алексѣй, старшій сынъ Петра Великаго, находился подъ надзоромъ матери, коснѣвшей въ предразсудкахъ старины и ненавидѣвшей все, что нравилось Петру. Окружавшіе его родственники съ материей стороны, Лопухины, также, безъ сомнѣнія, оставили самое невыгодное впечатлѣніе въ умѣ слабаго отрока...»

Такой приговоръ дѣлаетъ г. Устряловъ надъ лицами, окружавшими отрока Алексѣя; подобные же приговоры дѣлали и предшествовавшіе ему историки, и во всѣхъ случаяхъ приговоръ этотъ, быть можетъ, справедливый, тѣмъ не менѣе, голословенъ. Никто, ни даже почтенный авторъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», не взялъ на себя труда остановиться съ надлежащимъ вниманіемъ надъ личностями, окружавшими царевича, сколь возможно ближе познакомиться съ характеромъ матери-царицы, ея свойствениковъ и свойственницъ, наконецъ, съ первыми приставниками и приставницами наслѣдника престола.

Еслибы оживились предъ нами мамушки, нянюшки, дядьки и учителя царевича, съ ихъ предразсудками, съ ихъ образомъ жизни, съ ихъ отношеніями къ своему питомцу и его отцу, для насъ сдѣлался бы совершенно понятнымъ весь процессъ развитія царевича, мы бы ясно и отчетливо видѣли его во всѣ возрасты Алексѣя.

Въ VI томѣ «Исторіи царствованія Петра Великаго» г. Устрялова помѣщены драгоцѣнныя свѣдѣнія о событіяхъ послѣднихъ годовъ злополучной жизни царевича. Но въ этомъ сборникѣ матеріаловъ вы тщетно будете искать подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній объ отрочествѣ и юношествѣ царевича, не найдетеи тѣхъ характеристикъ, о которыхъ мы говорили. Вообще первыя страницы въ жизни Алексѣя имѣютъ множество пробѣловъ...

Для замѣщенія ихъ, новѣйшій изслѣдователь долженъ тщательно пересмотрѣть длинный рядъ дѣлъ, возникшихъ вслѣдствіе суда 1718 года. Эти дѣла возникали нерѣдко въ отдаленнѣйшихъ углахъ Россіи, по самымъ разнообразнымъ причинамъ; вершились они въ стѣнахъ Тайной Канцеляріи, при чемъ особенное значеніе придавали имъ имена Алексѣя либо его матери Авдотьи, либо наконецъ кого нибудь изъ важнѣйшихъ лицъ, замѣшанныхъ въ ихъ судѣ и осужденіи. Одно изъ такихъ дѣлъ, отысканное нами въ картонахъ Тайной Канцеляріи петровскаго времени (*), впервые выдвигаетъ кормилицу Алексѣя—личность, вовсе ускользнувшую отъ вниманія г. Устрялова. Нельзя сказать, чтобъ найденные нами документы вполнѣ оживляли мамушку царевича, близко знакомили съ ея характеромъ, ея умомъ, наконецъ тѣмъ вліяніемъ, какое могла она имѣть на своего питомца, мы не знаемъ даже, какъ рано оставила она Алексѣя; но, въ замѣнъ, изъ тѣхъ же документовъ мы узнаемъ о послѣдующихъ отношеніяхъ Алексѣя къ мамушкѣ, находимъ новыя свѣтлыя черты въ его характерѣ, наконецъ узнаемъ факты, не безполезные при знакомствѣ съ любопытною эпохой...

Царевичъ родился 18 февраля 1690 года. Отецъ, мать и бабушка, царица Наталья Кириловна,—всѣ были обрадованы рожденіемъ *Алешиньки*. Его окружали самыя нѣжныя ласки и заботы; бабушка особенно полюбила внучка и съ рукъ на руки передала его избранной кормилицѣ. То была Марѳа Афанасьевна, жена Вас. Ив. Колычова.

Василій Ивановичъ принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій; многіе изъ предковъ его были лицами имени-

(*) Госуд. Арх. при Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла по бл. реестру: картонъ XX д. 52. л. 1—94.

тыми въ XV, XVI и XVII вѣкахъ, при дворѣ великихъ князей и царей московскихъ; а одинъ изъ нихъ, Ѳедоръ Степановичъ, въ инокахъ Филиппъ, митрополитъ россійскій, пріялъ мученическій вѣнецъ, при царѣ Иванѣ Грозномъ, и причтенъ къ лику святыхъ (*). При такой славной генеалогіи, Василій Ивановичъ имѣлъ много родственниковъ, владѣвшихъ людьми и землями, былъ самъ помѣщикъ зажиточный и имѣлъ связи при дворѣ обѣихъ царицъ. Братъ его жены, Иванъ Афанасьевичъ, былъ ключаремъ Благовѣщенскаго Московскаго собора и пользовался расположеніемъ набожныхъ царицъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, при его посредствѣ и при помощи другихъ связей Колычова, состоялся выборъ Марфы Афанасьевны въ кормилицы.

Впрочемъ, выборъ былъ удаченъ. Марфа Афанасьевна снискала любовь малютки; ее полюбили царицы, былъ милостивъ къ ней и самъ государь. При отпускѣ своемъ, кормилица между прочими наградами получила «по указу» нѣсколько лавокъ, доходъ съ которыхъ былъ на столько достаточенъ, что она купила впослѣдствіи деревню близъ Арзамаса.

Шести лѣтъ царевичъ сталъ учиться грамотѣ.

Съ 1696 г., Никифоръ Вяземскій, за нимъ нѣмцы Нейгебауеръ—съ 1699 г., Гизенъ—съ 1703 г., одинъ за другимъ, дѣлаются менторами и руководителями царевича. Въ 1703 году составленъ наказъ объ его воспитаніи; въ этомъ же году наслѣдникъ начинаетъ кореспонденцію съ отцомъ, бывшимъ въ постоянныхъ разъѣздахъ. Но ни ученье, ни учителя, ни разнообразныя занятія, первое время довольно успѣшныя, не вытѣснили изъ памяти тринадцатилѣтняго мальчика образъ его кормилицы. Впрочемъ, Марфа Афанасьевна, жившая то въ подмосковной своей деревнѣ, то на собственномъ подворьѣ въ Москвѣ, сама посѣщала Алексѣя, заботилась объ его здоровьи, объ его образѣ жизни и тѣмъ самымъ поддерживала къ себѣ расположеніе и любовь царевича.

Въ мартѣ 1704 г. воспитанникъ и воспитатель, по царскому указу, отправились въ новую столицу, оттуда подъ Нарву. Со времени этой первой и дальней поѣздки начинается переписка Алексѣя съ его мамкой. Эти письма не многословны, не разнообразны: это не болѣе, какъ коротенькія записочки о здоровьи, о благополучномъ пріѣздѣ, передача поклона тому или другому изъ общихъ зна-

(*) «Росс. Род. Сборникъ». Кн. П. В. Долгорукова 1857 г. ч. IV стр. 136—144.

комыхъ, поздравленіе съ днемъ ангела либо большимъ праздникомъ, наконецъ благодарность за письма, просьба не оставлять его впредь, и проч. Писалъ Алексѣй либо прямо на имя Марфы Афанасьевны обще съ мужемъ ея Колычовымъ, либо, въ бытность ихъ въ деревнѣ, писалъ къ ключарю благовѣщенскаго собора Ивану Афанасьеву, а тотъ отдиралъ эти записочки отъ писемъ къ себѣ и посылалъ ихъ къ кормилицѣ.

Съ радостію, нерѣдко со слезами получала, читала и перечитывала эти записочки Марфа Афанасьевна и ласково принимала посланнаго, доставившаго ей драгоцѣнную грамотку. Прочтемъ нѣкоторыя изъ нихъ; а для обрацика орѳографіи царевича приведемъ три четыре письмеца буквально:

1) «Марѳа Афанасьевна здравствуі.

Алексѣй.

2) Марѳа Афанасьевна здравствуі Васылеі Івановичь (Колычевъ) в добрамъ здравиі і будетъ к вам скоро—Алексѣй.

3) «Марѳа Афанасьвна здравствуі за пісаное твое благодарствую і впредь сего желаю. Алексѣй (*).

4) «Марѳа Афанасьевна здравствуі я приехалъ в Петербурхъ сего мѣсяца вѣзде в добромъ здравиі Алексѣй.» И т. д.

Какъ ни коротки, какъ ни сухи эти письма, но они были дороги кормилицѣ, какъ доказательство, что ея питомецъ, ея дорогой вскормленникъ, помнитъ о ней, интересуется ею и желаетъ имѣть вѣсточки объ ея здравіи и жизни. Марѳа Афанасьевна спѣшила отвѣтами, ждала новыхъ писемъ съ нетерпѣніемъ, а получивъ ихъ, съ гордостію, материнскимъ тщеславіемъ и любовью давала читать и хвалилась ими предъ Иваномъ Скрыплевымъ и другими знакомыми.

Болѣе полугода находился царевичъ въ рядахъ осаждающаго войска и былъ свидѣтелемъ всѣхъ осадныхъ работъ, наконецъ взятія Нарвы. Кормилица очень безпокоилась о здоровьи, страшилась за жизнь четырнадцатилѣтняго мальчика, впервые знакомившагося съ лагерной и боевой жизнью. Письмо за письмомъ писала она къ нему, и добрый питомецъ, для успокоенія мамы, не лѣнился отвѣчать. Отвѣты были, по прежнему, крайне лаконически, но за то часты.

Въ письмахъ изъ-подъ Нарвы отъ 11, 14 и 23 *іюля*, 5 *августа*, 20 и 29 *сентября*, 9 и 17 *октября*, 8 и 21 *ноября*, царевичъ извѣщаетъ о томъ, что онъ живъ, здоровъ, благодарить за письма,

---

(*) На оборотѣ: «Ивану Афанасьевичу».

проситъ не оставлять ими впредь, иногда упрекаетъ маму въ молчаніи (*)....

Извѣстія о здоровьи ненагляднаго соколика на столько трогали маму, что она, какъ сама потомъ разсказывала, «тѣ письма читывала, въ иную пору плакивала, а въ другую пору о здравіи *его* молебное пѣніе чинила, и радовалась».

Скоро кормилица увидала своего сокола цѣла и невредима. Въ декабрѣ того же года Алексѣй пріѣхалъ въ Москву, въ рядахъ преображенскихъ солдатъ принималъ участіе въ торжественномъ вшествіи войскъ въ столицу и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ празднествахъ.

Въ началѣ слѣдующаго года, воспитатель его Гизенъ съ царскими порученіями отправился за границу. Воспитанникъ, оставленный безъ надлежащаго надзора, рѣдко видя отца, погруженнаго въ приготовленія къ великой борьбѣ съ сѣвернымъ героемъ, ходилъ на досугѣ къ мастеру де-Шеперу, учился у него точить, жилъ то въ Преображенскомъ, то въ Семеновскомъ, то наконецъ въ Москвѣ и довольно часто посылалъ къ отцу извѣстія о своемъ здоровьи, либо поздравлялъ его съ праздникомъ.

Царь наѣзжалъ въ Москву рѣдко; гофмейстеръ царевича, Меншиковъ, находился въ Петербургѣ. Въ это-то время, полузабытый царевичъ окружилъ себя, по свидѣтельству историка, монахами; попы и чернецы были его собесѣдниками (**). Всѣ они имѣли пагубное вліяніе на воспріимчиваго шестнадцатилѣтняго юношу, доброе сердце котораго и слабая воля легко подчинялись каждому, сколько нибудь сильному характеру.

Царевичъ, не развитый образованіемъ, со вниманіемъ слушалъ бредни суевѣрныхъ тетокъ и невѣжественныхъ поповъ; увлекался разсказами о тайныхъ видѣніяхъ; вѣрилъ, что Петербургъ провалится, и проч. Чѣмъ меньше обращалъ на него вниманія отецъ, тѣмъ болѣе и болѣе замыкался онъ въ кружкѣ своихъ знакомыхъ, тѣмъ охотнѣе довѣрялся имъ... Какую жь роль играла въ числѣ ихъ Марѳа Афанасьевна?

Нѣтъ сомнѣнія, что кормилица не брала на себя многаго: она искренно и горячо любила царевича: навѣщала, просила его милости къ

(*) См. въ приложеніи №№ 5—14.

(**) Устряловъ, т. VI, стр. 18.

себѣ и своимъ домашнимъ дѣламъ, интересовалась его жизнью; но никогда не пускалась въ разсужденія объ отношеніяхъ его къ отцу, о дѣйствіяхъ монарха, не хулила ихъ, не заявляла желаній, чтобъ вскормленникъ ея взошелъ скорѣй на родительскій престолъ, и т. п. Отчего происходила такая скромность со стороны кормилицы? Страшилась ли она доноса, роковаго извѣта, извѣстнаго подъ именемъ *слово и дѣло*? или, вѣрнѣе, царевичъ любя ее, въ то же время, не находилъ нужнымъ говорить кормилицѣ то, что говорилъ зачастую, подъ шумокъ пирушки, своимъ пріятелямъ, А. Кикину, Эварлакову, Дубровскому, дядѣ Аврааму Лопухину и друг.

Какъ бы то ни было, но кормилица не была причастна толкамъ «о томъ, какъ худо настоящее при батюшкѣ и, какъ хорошо оно будетъ, если, волею Божіею, воцарится Алексѣй Петровичъ». Невинность ея совершенно подтвердилась страшными розысками 1718 г., въ Москвѣ, въ Суздалѣ и въ Петербургѣ. Ни одинъ изъ сотни оговоренныхъ лицъ не оговорилъ, въ свою очередь, ни кормилицы, ни ея мужа; а нечего сомнѣваться, что ужасы пытки, исторгавшіе изъ устъ допрашиваемыхъ признанія въ словахъ, Богъ знаетъ, когда и гдѣ сказанныхъ, исторгли бы у кого нибудь обвиненіе кормилицы, если бы только она въ чемъ нибудь была виновата. Вся вина ея состояла въ той любви и въ томъ добромъ вниманіи, которыми никогда ея не оставлялъ царевичъ...

Въ концѣ 1706 года онъ посѣтилъ свою мать, постриженную въ Суздальско-Покровскомъ монастырѣ; посѣтилъ ее тайкомъ, безъ отцовскаго позволенія. Тетка царевича, Наталья Алексѣевна, извѣстила государя. Тотъ потребовалъ къ себѣ сына въ Жолкву, изъявилъ свой гнѣвъ за своеволіе и поручилъ заняться заготовкой провіанта: хлѣба, сѣна, овса, наборомъ рекрутъ, осмотромъ новобранцевъ и проч.

Это было въ началѣ 1707 года. До сентября мѣсяца сего года, царевичъ неусыпно выполнялъ возложенныя на него порученія; втеченіе пяти мѣсяцевъ онъ прожилъ въ Смоленскѣ, набиралъ рекрутъ, обучалъ и осматривалъ ихъ, выправлялъ на назначенныя мѣста, распоряжался сборомъ запасовъ и т. п.

Царевичъ, вопреки обвиненіямъ панегиристовъ Петра, явилъ при этомъ дѣятельность замѣчательную. Лучшія доказательства ея сохранились въ десяткахъ писемъ его къ отцу. Онъ отдавалъ почти еженедѣльно весьма обстоятельные отчеты отцу: писалъ о приходѣ и расходѣ запасовъ, посылалъ необходимыя вѣдомости, просилъ разрѣ-

шенія на тотъ или другой приказъ, просилъ отвѣтовъ на свои письма и проч. (*).

Среди хлопотъ, такъ неожиданно вытѣснившихъ его прежнюю бездѣятельность, Алексѣй не забывалъ дорогой кормилицы, помнилъ и уважаемаго имъ Колычова. Въ Василіи Ивановичѣ онъ чтилъ человѣка весьма набожнаго, преданнаго ему, а главное, мужа его мамы. За одинъ 1707 годъ мы нашли 19 грамотокъ Алексѣя къ Мареѣ Афанасьевнѣ и ея супругу. Безъ сомнѣнія, число это было гораздо больше. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать по тѣмъ нумерамъ, которые выставлялъ иногда царевичъ на письмахъ.

Крайняя сжатость этихъ писемъ, ихъ необыкновенный лаконизмъ (**) можетъ съ перваго взгляда навести на ту мысль, что не тяготился ли Алексѣй перепиской съ кормилицей, не писалъ ли онъ къ ней только для того, чтобъ отдѣлаться отъ докучливыхъ ея просьбъ чаще извѣшать о себѣ и своемъ здоровьи? Нисколько не бывало: царевичъ, напротивъ, сѣтовалъ иногда, что кормилица и ея мужъ нескоро отвѣчаютъ на его письма, во многихъ грамоткахъ благодаритъ «за писанье» и подтверждаетъ, что «и впредь сего желаю». Если же письма его, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ кратки, то не надо забывать, что въ то время высшіе лица не любили многословія: извѣстно, какъ кратки, за немногими исключеніями, письма великаго преобразователя; коротка большая часть писемъ его дочерей и племянницъ Анны, Елисаветы, Анны Ивановны, Екатерины и Прасковьи Ивановны. Притомъ кормилица и не нуждалась въ длинныхъ посланіяхъ: двѣ строчки, два слова царевича: «Мареа Афанасьевна, здравствуй о Господи! я живъ», и Мареа Афанасьевна радовалась, благодарила за память, а при случаѣ шла служить молебенъ и ставить свѣчу заздравіе ненагляднаго.

Отсылаемъ нашихъ читательницъ къ приложеніямъ: тамъ онѣ найдутъ грамотки Алексѣя. При чтеніи ихъ, нельзя не замѣтить всей похвальной внимательности и любви царевича къ Мареѣ Афанасьевнѣ.

Прибылъ онъ вечеромъ въ Севскъ—на другое же утро извѣщаетъ о томъ маму. Провожалъ его Колычовъ—Алексѣй не удерживаетъ его

(*) Письма царевича, изданныя Мурзакевичевымъ, 1849 г. Съ мая по сентябрь 1707 г., то есть въ бытность свою въ Смоленскѣ, царевичъ написалъ до 20 писемъ къ отцу, кромѣ писемъ по дѣламъ службы къ кабинетъ-секретарю Макарову, К. В. Нарышкину, А. И. Иванову и друг.

(**) Смотр. въ приложеніи письма съ № 15 до 33.

при себѣ долго, онъ спѣшитъ обнадежить маму, что «Василія Ивановича отпустимъ къ тебѣ въ добромъ здравіи». А отправляя его, Алексѣй шутливо замѣчаетъ: «Василія Ивановича съ сею грамоткою отпускаю къ тебѣ. Прими его въ цѣлости».

Пріѣхалъ Алексѣй въ Кіевъ и съ письмецомъ, отъ 15 января 1707 г., шлетъ къ достопочтенному Василію Ивановичу молитвенничекъ, а матушкѣ своей — матеріи на платье. «Пишите ко мнѣ — повторяетъ онъ въ другой грамоткѣ — а мнѣ зѣло *сумнительно*, что отъ васъ писемъ нѣтъ.» Пришло письмо отъ Колычова, и Алексѣй спѣшитъ отвѣтомъ: «Василій Ивановичъ, Марѳа Афанасьевна, здравствуйте о Господѣ! За писаніе ваше зѣло благодаренъ, и впредь сего желаю...» затѣмъ дѣлаетъ распоряженіе о немедленной выдачѣ имъ денегъ изъ деревенскихъ его доходовъ и вновь повторяетъ, обращаясь на этотъ разъ къ кормилицѣ: «зѣло благодарствую, что вы также приписываете, и впредь сего не оставьте».

Какъ ни старались Колычовы быть аккуратными въ перепискѣ съ царевичемъ, но онъ желалъ получать отъ нихъ письма сколь возможно чаще: «Для чего вы ко мнѣ не пишете на почтахъ?» съ упрекомъ спрашивалъ онъ кормилицу. «Я вамъ писалъ, чтобъ писать на почту. Чаю, что то письмо къ вамъ не дошло?»

17 мая, въ бытность свою въ Смоленскѣ, царевичъ, донося отцу о провіантѣ, приходѣ и расходѣ, въ тотъ же день послалъ грамотку къ друзьямъ:

«Василій Ивановичъ, Марѳа Афанасьевна, здравствуйте! Пишите ко мнѣ въ Смоленскъ, *по вся почты, я сего желаю*. Отпишите, много ль писемъ моихъ принесли?...»

Изъ этой записочки какъ нельзя лучше видно, что Алексѣй не смотрѣлъ на переписку съ кормилицей какъ на пустую формальность... Нѣтъ! она составляла потребность его мягкой, любящей души. Его мать была въ заточеніи, его тетки—однѣ отворачивались отъ него, какъ отъ не любезнаго царскаго сына, другія смотрѣли на него, какъ на орудіе своей злобы, своего негодованія противъ Петра, какъ на надежду будущаго торжества; наконецъ, суровый монархъ ближе и ближе приближая къ себѣ плѣнницу Марту (впослѣдствіи Екатерина I), болѣе и болѣе забывалъ сына, плодъ не любезной ему первой супруги.

Итакъ, не отъ грознаго отца, не отъ запертой въ кельѣ матери, не отъ суевѣрныхъ и запуганныхъ тетокъ ждалъ Алексѣй Петровичъ добраго слова, слова нѣжной любви и сердечной къ нему привязан-

ности. Мареа Афанасьевна олицетворяла для него матушку, и ее онъ проситъ: «пишите ко мнѣ по вся почты, я сего желаю.»

И какъ почтителенъ онъ къ названной матушкѣ: онъ не пропускаетъ ни ея именинъ, ни «тезоименитства» ея мужа безъ поздравленія, даже въ бытность въ Москвѣ пишетъ къ Василію Ивановичу записку: «въ день Пасхи святыя здравствуй и съ кормилицею!»

Свѣдавъ, что она больна, царевичъ заботливо шлетъ грамотку: «Мареа Афанасьевна, здравствуй навѣки! Пожалуй, прикажи къ намъ (написать), есть ли тебѣ отъ болѣзни свободнѣе?...»

У кормилицы родился сынъ, и обыкновенное начало грамотокъ Алексѣя приняло такую форму: «Василіі Ивановичъ съ Мареою Афанасьевною здравствуйте и съ сыномъ Николаемъ о Господѣ». Достойно замѣчанія, что въ началѣ писемъ къ кормилицѣ Алексѣй почти всегда ставилъ крестъ, что въ современныхъ ему письмахъ другихъ лицъ встрѣчается рѣдко.

Кольчовъ нѣсколько разъ навѣщалъ царевича въ Смоленскѣ. Тотъ скучалъ безъ Василія Ивановича. «Буде те великаго дѣла нѣту въ Москвѣ—писалъ къ нему Алексѣй—побывай у меня здѣсь, по обѣщанію своему, прежнему.»

Въ октябрѣ онъ возвратился въ Москву и получилъ приказаніе надзирать за укрѣпленіемъ Кремля и присутствовать въ канцеляріи министровъ.

Конецъ 1707 г., затѣмъ 1708 годъ царевичъ провелъ въ столицѣ, въ разлукѣ съ отцомъ, занимаясь учебными и правительственными дѣлами и посвящая досуги своимъ друзьямъ и роднымъ, между которыми Василій Ивановичъ съ Мареой Афанасьевной, какъ мы уже видѣли, занимали не послѣднее мѣсто.

Въ январѣ 1709 года онъ повелъ изъ Москвы въ Украйну собранные имъ полки и представилъ ихъ отцу въ Сумахъ. Въ этомъ походѣ, вѣроятно, отъ лютаго, давно неслыханнаго холода, Алексѣй Петровичъ сильно простудился и впалъ въ жестокую лихорадку, отъ которой чуть не умеръ. Но молодость и искуство врача скоро возстановили его силы.

Къ свѣтлому празднику онъ вернулся въ Москву, а въ концѣ года проѣхалъ въ Кіевъ, откуда весною 1710 г., выѣхалъ, по отцовскому приказу, чрезъ Варшаву и Дрезденъ, въ Карлсбадъ.

Дѣло въ томъ, что Петръ, удосужившись наконецъ на столько, чтобъ обратить серьёзное вниманіе на воспитаніе сына, хотѣлъ привести въ исполненіе давнишній планъ—образовать его за границей.

Но наслѣднику минуло двадцать лѣтъ, время было упущено, а политическіе расчеты и планы требовали женитьбы Алексѣя.

Невѣста была выбрана еще въ 1707 году Гизеномъ; тогда же, по волѣ Петра, устроено было дѣло о бракѣ царевича съ блѣднолицей, очень сухой, высокой и рябой принцессой брауншвейгъ-вольфенбюттельской Шарлоттой, сестрой нѣмецкой императрицы.

14 октября 1711 года въ Дрезденѣ совершено было бракосочетаніе. Впродолженіе этихъ разъѣздовъ вспоминалъ ли царственный женихъ о своей кормилицѣ, писалъ ли онъ къ ней? Въ найденныхъ нами документахъ мы не нашли писемъ за это время; можетъ быть, они находятся въ числѣ немногихъ и неважныхъ грамотокъ, на которыхъ Алексѣй не нашелъ нужнымъ помѣстить года ихъ отправленія (*).

Первое письмо, которое мы имѣемъ за это время, относится къ ноябрю мѣсяцу 1711 года.

10 числа Алексѣй пріѣхалъ въ городъ Торунь и въ тотъ же день послалъ два письма: одно — къ государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, другое — къ кормилицѣ Марѳѣ Афанасьевнѣ:

«Милостивая государыня матушка! Доношу тебѣ, государыня, пріѣхалъ я сюда сегодня; а жена моя осталася въ Брауншвейгѣ и будетъ сюда вскорѣ. Алексѣй (**). Изъ Торуня въ 10 день ноября 1711 г.»

«Марѳа Афанасьевна, здравствуй! Я пріѣхалъ сюда благополучно 10 дня сего мѣсяца, а жена моя будетъ сюда вскорѣ. Алексѣй. Изъ Торуня въ 10 д. ноября 1711 г.»

По содержанію и та, и другая граматки одинаково неважны, но фактъ существованія, лучше сказать: время отправленія ихъ, для насъ не простая случайность. Фактъ этотъ намъ кажется довольно интереснымъ, чтобъ не обойдти его безъ вниманія. Мачиху свою царевичъ не любилъ, болѣе того: боялся ея. Кто хочетъ повѣрить это, тотъ пусть заглянетъ въ IV главу VI тома «Исторіи царствованія Петра» и, прислушавшись къ бесѣдѣ царевича съ графомъ Шенборномъ, узнаетъ о чувствахъ Алексѣя къ Екатеринѣ (***)..... Тѣмъ не менѣе, до бѣгства своего изъ Россіи, онъ не переставалъ во всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ, подобныхъ настоящему, относиться къ ней съ почтительными, но холодными письмами. Чувство боязни отцовскаго гнѣва,

(*) См. въ прилож. съ № 43 по 48.
(**) Устряловъ, т. VI, стр. 314.
(***) Устряловъ, т. VI, стр. 66—70.

сознаніе необходимости, хоть внѣшнимъ образомъ, почтить мачиху заставили его и въ Торунѣ написать къ ней письмо. Что же, какъ не любовь, какъ не потребность его нѣжнаго, добраго сердца, вызывало другое извѣщеніе, грамотку къ забытой всѣми, кромѣ его самого, кормилицѣ?

Съ тѣмъ же вниманіемъ относился онъ къ ней и въ послѣдующіе годы брачной жизни. Въ 1713 году (какъ это видно изъ показаній кормилицы) случился въ ея деревнѣ сильный пожаръ: царевичъ поспѣшилъ ее утѣшить. Грамотка по этому случаю коротка, какъ и прежнія, но въ слѣдующихъ строкахъ нельзя не замѣтить чувства любви къ мамѣ и вѣры въ Божій Промыслъ: «Пожалуй (кормилица), не печалься о случившихся тебѣ печалѣхъ. Буди воля Божія! Богъ, Который далъ, Тотъ и взялъ.» И тутъ же извѣщалъ онъ о высылкѣ ей 300 рублей «на нужды», что, по нынѣшнему курсу, соотвѣтствуетъ 300 червонныхъ (*).

12 октября 1715 года родился у царевича сынъ, и родитель поспѣшилъ извѣстить о своей радости кормилицу...

Радовалась кормилица, служила молебны за здравіе новорожденнаго и дорогаго царевича и, разумѣется, не предчувствовала, что надъ головой ея питомца уже скопляются грозныя тучи, что еще 11 октября 1715 года было составлено государемъ длинное письмо къ сыну, наполненное упреками за нерадѣніе о войнѣ и угрозами лишить наслѣдства, вслѣдствіе упорства.

22 октября царевичъ потерялъ жену, скончавшуюся послѣ тяжкой болѣзни, и съ этой потери начинается та страшная драма между отцомъ и сыномъ, которая привела къ столь кровавому окончанію. Весь ходъ этой драмы, какъ нельзя лучше видѣнъ изъ книги г. Устрялова, и мы не станемъ повторять извѣстныхъ фактовъ.

Въ январѣ царь уѣхалъ за границу, оставивъ царевича рѣшить въ шестимѣсячный срокъ такого рода обстоятельство: либо «отмѣнить нравъ, либо идти въ монахи». Отъ этого тяжкаго времени мы имѣемъ одно письмо царевича къ кормилицѣ: съ словами любви и привѣта, онъ шлетъ на ея нужды 200 рублей (**). Въ сентябрѣ того же года Алексѣй бѣжитъ «отъ немилости вышнихъ властей» въ Вѣну.

Гнѣвный отецъ, нескоро свѣдавъ о мѣстѣ укрывательства сына, разсылаетъ для поисковъ сыщиковъ и лазутчиковъ... Вѣсти о бѣгствѣ,

---

(*) По показанію Матвѣя Иванова, одного изъ служителей кормилицы, царевичъ прислалъ ей въ этомъ же году 500 руб.

(**) Въ томъ же году царевичъ выслалъ кормилицѣ еще 100 руб. Показаніе Матвѣя Иванова.

объ его поискахъ проникаютъ въ Россію, начинаютъ бродить между друзьями, родными, сторонниками и сторонницами злополучнаго царевича. Не могли они не дойдти и до подмосковной деревеньки кормилицы... Нѣтъ сомнѣнія, что много слезъ пролито ею, много заздравныхъ молебновъ отслужено, много свѣчей поставлено предъ образами, много серебряныхъ сосудовъ и другихъ болѣе или менѣе дорогихъ вкладовъ пожертвованы въ храмъ Божій; но отъ сужденій, лучше сказать: отъ осужденій дѣйствій монарха, она либо удерживалась, либо высказывала ихъ подъ строжайшей тайной, съ глаза на глазъ съ самыми близкими друзьями.

Въ февралѣ 1718 года царевичъ привезенъ въ Москву. Его отрѣшили отъ правъ на престолонаслѣдіе, его подвергли нескончаемымъ допросамъ, отъ него потребовали именъ всѣхъ его друзей, всѣхъ его ближайшихъ поклонниковъ и поклонницъ.

И вотъ, хватаютъ сенаторовъ, хватаютъ архіепископовъ, военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, хватаютъ монаховъ, поповъ, монахинь, слугъ, служанокъ, всѣхъ влекутъ изъ разныхъ городовъ, изъ разныхъ деревень, изъ келій, палатъ и хижинъ, всѣхъ свозятъ въ холодные и мрачные казаматы Преображенскаго села.

Толки стихли. Произнесшій имя царевича дѣлался преступникомъ; его преступленіе давало поводъ къ тайному доносу, къ пыткѣ, къ суду и осужденію.

Кормилица могла ждать ежеминутнаго ареста и строжайшихъ, подъ страхомъ смертной казни, допросовъ... Но громовая туча тихо прошла надъ ея головой. Любезный вскормленникъ ни въ одномъ изъ своихъ смутныхъ и сбивчивыхъ оговариваній, ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не указалъ на Маѳу Афанасьевну, и она со слезами грусти и сердечной признательности могла *на свободѣ* оплакать кончину дорогаго ей питомца.

Онъ испустилъ духъ въ Петербургѣ, въ одномъ изъ казаматовъ Петропавловской крѣпости, 26 іюня 1718 года.

Кормилица, несмотря на ужасъ безпрестанныхъ арестовъ, по оговорамъ нерѣдко самымъ нелѣпымъ, не рѣшалась разстаться съ дорогими ей грамотками. Онѣ одни только напоминали ей покойнаго, онѣ были ея сокровищемъ, и мама въ глубокой тайнѣ на днѣ сундучковъ и подголовковъ хоронила это сокровище, доколѣ пытливый взглядъ доносчика не проникъ и туда, и не обнаружилъ тайны.

II.

1718 и 1719 годы были вдвойнѣ несчастны для кормилицы. Кромѣ дѣла царевича, которое не могло не печалить и не страшить, Мареа Афанасьевна имѣла другое, немаловажное горе. У нея завелась тяжба съ зятемъ своимъ, Алексѣемъ Львовымъ, сутягой искуснымъ и пронырливымъ. Царевичъ былъ въ заточеніи, его вліятельные друзья—въ опалѣ, Василій Ивановичъ Колычовъ—въ могилѣ, у кормилицы не было покровителя, не было и жаркихъ ходатаевъ по дѣламъ. Вслѣдствіе всего этого процессъ принялъ для нея самый печальный исходъ.

Въ началѣ 1719 года, посланные изъ губернской канцеляріи наѣхали въ ея деревню Маслово; по обыкновенію, переломали нѣкоторыя вещи, затѣмъ описали все имущество, въ томъ числѣ и завѣтный ларчикъ съ письмами. Мареа Афанасьевна поспѣшила въ Москву; но и тамъ ея собственный домикъ былъ подъ карауломъ сторожей Земской канцеляріи, имущество, въ томъ числѣ подголовокъ (ящикъ) съ письмами, запечатаны. Солдаты не пустили ее въ домъ.

Не зная, гдѣ преклонить голову, кормилица отправилась, въ дорожной каретѣ, на парѣ сѣрыхъ лошадокъ, съ тремя слугами и служанкой, къ давнишнему знакомцу своему, преображенскому подъячему Григорію Бурмину. Дворъ его былъ за Серпуховскими воротами, въ приходѣ церкви Вознесенія Господня. Здѣсь нашла она пристанище. Впрочемъ, кормилица перемѣняла его нѣсколько разъ, гостила то у дочери своей, то у другихъ родныхъ и знакомыхъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ это время Мареа Афанасьевна посылала нѣсколько разъ въ Маслово провѣдывать о тамошнемъ житьѣ-бытьѣ и распорядиться о доставкѣ ей припасовъ на дневную пищу. Между прочимъ, въ Петровъ постъ 1719 г., писала она раза два къ прикащику, Игнатію Григорьеву: въ одномъ письмѣ наказывала ему отписать къ ней о «деревенскомъ состояніи», а въ другомъ требовала высылки сундучка, что̀ стоитъ въ чуланѣ, да двѣ бочки вина. Въ сундучкѣ было платье, бѣлье, а главное—подъ ними хоронилось нѣсколько граматокъ царевича. Прикащикъ нарядилъ три подводы и отправилъ ихъ въ Москву съ вещами и запасами съ тремя дворовыми. Все было доставлено на дворъ подъячаго Бурмина.

Въ тотъ же Петровъ постъ, на первой недѣлѣ, въ понедѣльникъ, поздно вечеромъ, пріѣхалъ верхомъ въ Москву дьячекъ Иванъ Осиповъ, пріятель и приживальщикъ кормилицы. Она послала его изъ Москвы для провѣданія о хозяйствѣ и для взятія посуды. Поговоривъ съ прикащикомъ и захвативъ по парѣ оловянныхъ блюдъ, тарелокъ и кубковъ, дьячекъ рано утромъ уѣхалъ. Всѣ эти обстоятельства, въ существѣ своемъ ничтожныя, дали, однако, пищу для догадокъ доносчика и для полноты извѣта.

Доносчикъ сыскался въ числѣ самыхъ приближенныхъ лицъ, между родственниками кормилицы: то былъ Алексѣй Григорьевъ, старикъ весьма дряхлый и больной Вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Алексѣй жилъ прежде въ Кадашевской свободѣ, въ «тяглецахъ», но потерявъ отца, потомъ и имущество отъ пожарнаго разоренія, переѣхалъ къ невѣсткѣ своей Марѳѣ Афанасьевнѣ и жилъ у нея на хлѣбахъ года три.

24 іюня 1719 года, какъ извѣстно уже намъ, прикащикъ выправилъ обозъ къ кормилицѣ съ запасами. Алексѣй нагналъ обозниковъ, трехъ братьевъ Семена, Матвѣя и Василья Ивановыхъ и прошелъ съ ними до деревни Саровой. Здѣсь, не доходя 15 верстъ до Москвы, когда обозники стали на полѣ кормить лошадей, старикъ исчезъ.

Онъ спѣшилъ въ Москву, какъ самъ потомъ увѣрялъ, только для того, чтобъ занять гдѣ нибудь денегъ для постриженія; такъ какъ безъ предварительнаго взноса въ монастырь не принимали.

Съ этою-то цѣлью или съ чѣмъ нибудь другимъ, старикъ 26 іюня 1719 г. пошелъ на дворъ къ зятю и лютому сопротивнику невѣстки, Алексѣю Львову. Львовъ былъ солдатъ Преображенскаго полка и довольно зажиточный помѣщикъ.

— Откуда и зачѣмъ ты пришелъ? сталъ спрашивать Львовъ.

— Приказалъ мнѣ, человѣкъ твой Леонтій Игнатьевъ оповѣстить, отвѣчалъ старикъ: что изъ деревни Шараповой къ тебѣ будутъ съ запасами въ субботу.

— А скажи, пожалуй, сталъ допрашивать Львовъ:—есть ли еще у кормилицы тѣ письма, что̀ писалъ къ ней царевичъ Алексѣй Петровичъ?

— Такія письма есть. Отдавалъ ихъ кормилицѣ духовникъ царевича, Яковъ Игнатьевъ. Такъ мнѣ разсказывалъ, въ прошломъ году, прикащикъ Марѳы, Игнатій Григорьевъ. Самъ я тѣхъ писемъ не видалъ и что̀ въ нихъ писано, ни отъ кого не слыхалъ.

Въ такой таинственной формѣ, началъ свой извѣтъ неблагодарный свойственникъ кормилицы. Извѣтъ этотъ уже потому принималъ

серьёзный видъ, что изъ него обнаруживались близкія сношенія Мареы съ духовникомъ Яковомъ, однимъ изъ важнѣйшихъ *преступниковъ* по дѣлу царевича. Отецъ Яковъ вынесъ три лютыя пытки и потерялъ голову на плахѣ послѣ, годоваго тюремнаго заточенія.

Для Львова въ высшей степени былъ дорогъ извѣтъ на кормилицу. Обличеніемъ старушки Мареы въ *политическомъ* преступленіи, онъ довершилъ бы свою тяжбу, выигралъ бы ее несомнѣнно, мало того: могъ льститься надеждой, въ случаѣ конфискаціи имѣнія *заговорщицы*, получить ея движимое и недвижимое имущество. Сообразивъ все это, Львовъ поспѣшилъ обставить разсказщика необходимыми свидѣтелями. То были: капралъ Московскаго драгунскаго полка. Никита Мокринской, подъячій изъ городской ратуши Ѳедоръ Ѳеофановъ, да большой аптекарской канцеляріи столяръ Василій Гавриловъ. Послѣдній починялъ у Львова столъ въ то время, когда пришелъ къ нему Григорьевъ.

Какъ искусный знатокъ современнаго дѣлопроизводства и ябедничества, Львовъ осторожно устранилъ себя и устроилъ такъ, какъ будто бы старикъ Григорьевъ разсказывалъ не ему, а его человѣку Ивану Чиркову, но будучи не въ состояніи удержать свое любопытство, Львовъ самъ выслушалъ большую часть извѣта. Онъ былъ довольно длиненъ; старикъ мѣшалъ правду съ неправдой, вспоминалъ то, что̀ говорилось ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ, передавалъ то, чего никогда и никто ему не говорилъ, и во всемъ ссылался на слугъ и служанокъ оговариваемой кормилицы.

— Царевичъ, говорилъ онъ:—присылалъ къ кормилицѣ многія письма. Отдавалъ тѣ письма никто другой, какъ духовникъ Игнатьевъ. Получая письма, Мареа дарила тѣхъ, кто привозилъ ихъ. Слышалъ я про это въ Масловѣ, лѣтомъ 1718 года, а въ какомъ мѣсяцѣ и числѣ, про то сказать не упомню; помню только, что сказывали мнѣ о томъ двѣ кормилицины дѣвки: Татьяна да Акулина. Письма тѣ Мареа давала читать дьяку, что̀ живетъ у нея, Ивану Осипову; также человѣку своему Матвѣю, да Афанасью Скрыплеву, что также проживали у нея въ деревнѣ, а нынѣ взятъ въ Петербургъ въ солдаты. Читая письма царевичевы, кормилица, по словамъ ея дѣвокъ Татьяны и Акулины, въ иную пору плакала, а въ другую пору и радовалась; плакала же она больше тогда, когда привезли царевича въ прошломъ 1718 году, въ Москву. — Слышалъ я также, продолжалъ Григорьевъ: — отъ дѣвки Татьяны Селивановой, что у кормилицы есть серебряная посуда Алексѣя Петровича. Ту посуду осматривалъ, процѣнивалъ, а иную и продавалъ заклад-

чикъ кормилицы серебряникъ Лука; а чей онъ сынъ, того я не знаю. Лѣтомъ нынѣшняго года, тому уже мѣсяца съ два, а въ какое число—не упомню, пріѣхалъ въ полночь, въ Маслово дьячекъ Иванъ Осиповъ. Пріѣхалъ онъ отъ кормилицы съ Москвы во дворъ къ приказчику Игнатію Григорьеву. И вмѣстѣ съ челов!комъ той деревни, Матвѣемъ Ивановымъ, да съ дѣвкой Акулиной, взяли они сундукъ и подголовокъ съ письмами да съ серебряной посудой царевича, также всякую мѣдную и оловянную посуду и въ ту же ночь отвезли все это къ васкинскому попу. Послѣ чего вскорѣ тотъ же Матвѣй съ братьями сундукъ и подголовокъ взяли у попа и повезли къ кормилицѣ въ Москву. Съ этимъ обозомъ я самъ ѣхалъ въ городъ. — Сказывали мнѣ также люди кормилицы, Игнатій Григорьевъ да Матвѣй Ивановъ, что арзамасская деревня куплена Маѳоой на деньги, что̀ получила отъ царевича Алексѣя Петровича. Сказывали мнѣ про то названные люди; самъ же, я заключилъ извѣтчикъ, ни про что̀ не вѣдаю.

Отобравши столь дорогія для себя свѣдѣнія, Львовъ нимало немедля поспѣшилъ съ донесеніемъ къ ближайшему своему начальнику, поручику л.-гв. Преображенскаго полка князю Петру Михайловичу Барятинскому. Поручикъ отдалъ Григорьева подъ караулъ, а львовскому человѣку Ивану Чиркову въ тотъ же день, 26 іюня приказалъ явиться съ доношеніемъ о всемъ слышанномъ къ ближнему кравчему и губернатору Кириллу Алексѣевичу Нарышкину.

Доношеніе было составлено весьма обстоятельно, въ восьми пунктахъ; три свидѣтеля были на лицо, дѣло имѣло законную форму.

На другой день губернаторъ препроводилъ и доносителей, и доносъ къ оберъ-коменданту Ивану Петровичу Измайлову, на томъ основаніи, что и прежде нѣсколько подобныхъ слѣдствій совершено было имъ. «А ѣхать тебѣ—писалъ къ нему Нарышкинъ—по тому доношенію, куда надлежитъ тотчасъ. Понеже сіе дѣло нужно и надлежащее чинить, по его царскому величества указу, въ самой крайней скорости.»

Измайловъ очень хорошо зная, какую важность получали всѣ дѣла, возникавшія съ роковаго 1718 года, по дѣлу царевича Алексѣя, не медлилъ слѣдствіемъ. Прежде всего онъ забралъ подъ караулъ всѣхъ, о которыхъ было упомянуто въ доносѣ. Нѣсколько человѣкъ было арестовано въ Москвѣ; за остальными посланы въ деревню: вахмистръ Иванъ Акишевъ, да подъячій Иванъ Зиминъ. Они забрали еще нѣсколько человѣкъ, искали какихъ нибудь писемъ либо сере-

бряной посуды, но кромѣ двухъ оловянныхъ блюдъ, которыя вытащили изъ верхняго чулана, ничего не нашли.

Вскорѣ въ распоряженіи оберъ-коменданта было до пятнадцати человѣкъ, болѣе или менѣе причастныхъ къ дѣлу: кормилица *Марѳа*, зять ея *Алексѣй Львовъ*, доносчикъ *Алексѣй Григорьевъ*, человѣкъ Львова *Иванъ Чирковъ*, ключарь Благовѣщенскаго собора *Иванъ Афанасьевъ*, подъячій преображенскаго приказа *Григорій Бурминъ*, попъ изъ подмосковной деревни А. Нарышкина *Василій Осиповъ*, прикащикъ села Маслова *Игнатій Григорьевъ*, дворовые: *Семенъ, Василій* и *Матвѣй Ивановы;* дѣвки: *Акулина Семенова* да *Татьяна Селиванова*; наконецъ изъ подмосковной вотчины Иванова, села Рождествена, попъ *Василій Харитоновъ*. Только одинъ дьячекъ *Иванъ Осиповъ*, приживальщикъ кормилицы, успѣлъ куда-то скрыться, въ то время, какъ на Маслово наѣхали солдаты.

При допросахъ, Алексѣй Григорьевъ повторилъ нѣкоторые изъ своихъ разсказовъ, сослался на слугъ и служанокъ кормилицы; но многаго, что̀ было написано въ донесеніи Чиркова, онъ не подтвердилъ предъ Измайловымъ, а главное — каждый отвѣтъ свой на всѣ пункты заключалъ фразой: «что сказывалъ я тѣ слова не Ивану Чиркову, а самому господину его, Львову». Отъ прежнихъ показаній о томъ, что кормилица давала читать письма разнымъ лицамъ, также, что плакала она больше тогда, когда привезли царевича въ Москву, наконецъ, что сундучекъ да подголовокъ съ письмами, прежде, чѣмъ привезли изъ деревни, отдали на храненіе васкинскому попу—обо всемъ этомъ Григорьевъ отозвался, что такихъ словъ не говаривалъ, и стоялъ на томъ, что все остальное сказывалъ самому Львову а «человѣку его никакихъ словъ не говаривалъ».

Львовъ, такимъ образомъ, никакъ не могъ быть выгороженнымъ изъ дѣла; но онъ ловко обезопасилъ себя законными свидѣтелями: тѣ, послѣ каждаго пункта, единогласно отвѣчали, что̀ все, что ни написано Чирковымъ, было именно говорено старикомъ, говорено при всѣхъ ихъ, и притомъ не Львову, а его слугѣ.

Совершеннымъ опроверженіемъ извѣта Григорьева были показанія остальныхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, насчетъ того, будто бы духовникъ царевича Яковъ передавалъ письма кормилицѣ, а также о покупкѣ арзамасской деревни на царевичевы деньги, приказчикъ Игнатій рѣшительно объявилъ, что ничего подобнаго нигдѣ и никому не говорилъ.—«Что̀ же до меня—показывалъ ключарь соборный Иванъ Афанасьевъ—то царевичъ ко мнѣ и къ кормилицѣ письма писывалъ своемъ здравіи; «*противности же* (т. е. злаго противъ государя

умысла и т. п.) *въ тѣхъ письмахъ никакой ни писывалъ*. Писемъ тѣхъ у меня нѣтъ: иныя изорвались, другія въ небреженіи лежали, завалялись и пропали. Тѣ же грамотки, которыя были къ кормилицѣ особо, либо вмѣстѣ съ записками ко мнѣ, таковыя я отдиралъ и отсылалъ Марѳѣ, а съ кѣмъ именно отсылалъ, того за много прошедшими годами сказать не упомню; вѣрно же то, что ко мнѣ ни отъ царевича, ни отъ другихъ лицъ никакихъ *противныхъ* писемъ не бывало, да и за другими никакой противности я не знаю.» Служанки его сестры, Татьяна съ Акулиной, также уличали во лжи Григорьева и согласно показывали, что ничего не говорили ему ни про письма, ни про серебряную посуду. Матвѣй Ивановъ, въ опровержение тому же Григорьеву, объявилъ, что никакихъ писемъ царевича не читалъ.

Измайлову нужно было справиться, читалъ ли письма дьячекъ Иванъ Осиповъ; но дьячка не могли отыскать. Спрашивали о мѣстѣ его укрывательства кормилицу: та отозвалась невѣдѣніемъ; также отозвался и братъ дьячка, попъ Василій Осиповъ. Отецъ Василій, при семъ случаѣ, подѣлился свѣдѣніями о томъ, что братъ его жилъ прежде съ отцомъ, священникомъ Московскаго уѣзда, села Сергѣевскаго кн. Голицына, послѣ чего лѣтъ пять жилъ онъ въ Петербургѣ, а наконецъ, вернувшись на родину, «по своей волѣ», поселился у кормилицы въ селѣ Масловѣ, откуда и исчезъ, неизвѣстно куда, лѣтомъ текущаго года.

Всѣ эти свѣдѣнія мало шли къ дѣлу; тѣмъ не менѣе, нашли нужнымъ ихъ записать. Насчетъ посылокъ кормилицы въ деревню за посудой, припасами, сундукомъ да подголовками прикащикъ ея, служителя и служанки передали извѣстныя уже намъ подробности, не совсѣмъ согласныя съ разсказомъ Григорьева; между прочими разногласіями была то, что никакого подголовка они не посылали изъ деревни. Сняли допросъ съ попа Василія Харитонова, не привозили ли къ нему ночью названные люди сундучка да подголовка съ письмами и серебряной посудой. Харитоновъ отвѣчалъ отрицательно.

Извѣтчикъ продолжалъ, однако утверждать, что сундучекъ и подголовокъ провезены были въ Москву на дворъ къ подьячему Бурмину, впрочемъ отрицалъ прежнее показаніе, что сундукъ и подголовокъ были предварительно у попа Василія.

— Какой сундукъ да подголовокъ привозили къ тебѣ на домъ изъ деревни кормилицы? спрашивалъ оберъ-комендантъ, пріѣхавши на домъ къ подъячему Бурмину.

Бурминъ разсказалъ, какъ и почему стала у него жить кормили-

ца; «а въ бытность свою у меня—говорилъ подьячій—она не показывала мнѣ никакихъ *противныхъ* ни писемъ, ни вещей и ничего подобнаго не отдавала на сбереженіе ни женѣ моей, ни дѣтямъ. Вмѣстѣ съ запасами, точно, привозили ей однажды, въ бытность мою въ приказѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, маленькій сундучекъ, обитъ кожею, за ся замкомъ; но что въ немъ было, ни я, ни жена не вѣдаемъ, такъ какъ кормилица намъ его не показывала».

Вслѣдствіе сего показанія, Измайловъ взялъ сундучекъ въ губернскую канцелярію. Пересмотрѣли въ немъ платье, перерыли бѣлье, наконецъ внизу, въ особомъ ящикѣ, нашли два письма царевича Алексѣя Петровича.

Письма эти были ничто иное, какъ двѣ изъ тѣхъ грамотокъ, цѣлая коллекція которыхъ намъ уже извѣстна. Ни по формѣ, ни по содержанію онѣ не могли обвинить ни въ чемъ *противномъ* Марѳу Афанасьевну.

Всѣ обстоятельства дѣла болѣе и болѣе ее оправдывали. Какъ же она сама оправдывалась и гдѣ отыскали остальныя изъ завѣтныхъ для нея грамотокъ?

— Нынѣ у меня писемъ царевичевыхъ, показывала Марфа Афанасьевна:—никакихъ нѣтъ. Какія жь были, и тѣ взяты при описке моего имущества (вслѣдствіе тяжбы съ зятемъ), въ земскую канцелярію. Получала я тѣ письма чрезъ ключаря Ивана Афанасьева и чрезъ его человѣка, а какъ зовутъ, того сказать не упомню; опричь этихъ писемъ ни отъ кого не получала; ни отъ царевича Алексѣя Петровича, ни отъ другихъ ни отъ кого писемъ *противныхъ* ко мнѣ не было, и ни за кѣмъ противности никакой не вѣдаю. Тѣхъ, кто привозили мнѣ письма царевича, я за привозъ не даривала; читать ихъ давала Афанасію Скриплеву, другимъ же, въ томъ числѣ дьячку Ивану Осипову да Матвѣю Иванову, писемъ тѣхъ, не читала; но показывала, а какъ читывала тѣ письма, то и впрямь въ томъ виновата, въ иную пору плакивала, а въ другую пору о здравіи царевича молебное пѣніе чинила и радовалась. Когда же привезли Алексѣя Петровича въ Москву (въ февралѣ 1718 г.), я о немъ не плакала и плакать мнѣ было не о чемъ.»

Видимо, что послѣднее показаніе было не совсѣмъ искренно: старушка страшилась улики въ томъ, что по понятіямъ того времени, могло быть причтено ей въ тяжкое преступленіе: сожалѣть и плакать о человѣкѣ, хоть бы и царевичѣ, осужденномъ отцомъ, государемъ, обличенномъ въ разныхъ государственныхъ *противностяхъ*, было дѣломъ до того преступнымъ, что даже старикъ Григорьевъ,

какъ бы изъ угрызенія совѣсти, устрашился подтвердить свое первое обвиненіе, а, напротивъ, какъ мы видѣли, отперся отъ него.

Насчетъ серебряной посуды царевича, кормилица также показала отрицательно:

— Такой посуды, говорила Марѳа: — у меня нѣтъ, да и прежде сего не бывало; что же касается до крестьянина Луки Кузьмина, то онъ вовсе не мой закладчикъ; а давала я ему свою собственную посуду для дѣланія церковныхъ сосудовъ, такъ какъ Лука того дѣла мастеръ. Дьячка Осипова за сундукомъ и подголовкомъ я не посылала; а ѣздилъ онъ, по моей просьбѣ, въ деревню дважды, не для чего иначе, какъ для провѣданія о хозяйскихъ дѣлахъ; а за сундучкомъ ѣздилъ и привезъ его ко мнѣ Семенъ Ивановъ; но никакого подголовка съ письмами брать я не приказывала, его жь и не бывало въ деревнѣ. Были у меня два подголовка на московскомъ дворѣ. Одинъ изъ нихъ взятъ въ земскую канцелярію и запечатанъ, въ то время, когда описывали и опечатывали мое имущество, по челобитью Львова, мѣсяца четыре тому назадъ; но есть ли, или нѣтъ тамъ письма царевича, того не упомню.»

На основаніи послѣдняго, весьма важнаго для дѣла показанія, оберъ-камендантъ вытребовалъ подголовокъ въ губернскую канцелярію и, по осмотрѣ, нашелъ въ немъ сорокъ-шесть писемъ царевича къ кормилицѣ и ея мужу (*).

Оставалось разрѣшить вопросъ о покупкѣ арзамасской деревни: кормилица на это отвѣтила: «что купила ее не на царевичевы, а на деньги, собранныя съ ея собственныхъ лавокъ, но что, дѣйствительно, царевичъ для «ея скудности» жаловалъ деньги рублей по сту, а для пожарнаго раззоренія прислалъ двѣсти либо триста рублей, сколько жь именно, то видно изъ найденныхъ писемъ; опричь же этихъ писемъ, заключила кормилица, «другихъ у меня нѣтъ».

Такимъ образомъ, почти всѣ изъ обвиненій Григорьева оказались либо съ излишними прибавленіями, либо и вовсе лживыми. Для разъясненія дѣла, необходимо было дать очныя ставки; но обвинитель лежалъ подъ карауломъ при смерти, почему очныхъ ставокъ не дали.

При дряхлости и старости Григорьева, болѣзнь его была явленіемъ понятнымъ, тѣмъ болѣе, что дѣло тянулось уже второй мѣсяцъ, и онъ съ каждымъ новымъ допросомъ явно видѣлъ, что за-

---

(*) Всѣ эти письма, до сихъ поръ не напечатанныя и не извѣстныя г. Устрялову, помѣщены нами въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ, съ № 1 по 48.

шелъ слишкомъ далеко съ своимъ желаніемъ угодить Львову. Страхъ, что для доказательствъ обвиненій ему доведется вытерпѣть рядъ розысковъ, т. е. пытокъ, окончательно сокрушилъ старика: онъ слегъ въ постель.

Тѣмъ временемъ, 15 августа 1719 года, оберъ-комендантъ отнесся въ Петербургъ съ письмомъ о ходѣ всего дѣла къ одному изъ членовъ Тайной Канцеляріи, А. И. Ушакову.

При письмѣ посланы были экстрактъ изъ дѣла и копія съ сорокавосьми писемъ царевича. Измайловъ просилъ учинить резолюцію какъ объ изслѣдованномъ, такъ и о томъ, что̀ дѣлать съ не изслѣдованнымъ.

«А опасаюсь я—заключалъ Измайловъ—что доноситель гораздо старъ и дряхлъ; то, чтобъ до окончанія дѣла не умеръ бы, почему съ покорностью прошу немедленно на сіе отвѣтствовать.»

Письмо, посланное 15 августа, получено было Ушаковымъ 24 числа. Исполнительный членъ инквизиціоннаго трибунала не замедлилъ рѣшеніемъ: спустя пять дней, гвардіи сержантъ Пасынковъ отправился въ Москву съ указомъ: все дѣло и подлинныя письма царевича немедленно выслать въ Тайную Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярію; кормилицу Маѳу, доносителя Алексѣя Григорьева и всѣхъ людей, арестованныхъ по дѣлу, буде еще содержатся подъ карауломъ, освободить, «такъ какъ, сказано было въ письмѣ Ушакова, *важности* ни за кѣмъ изъ нихъ не явилось, да и *по прежнему* (1718 г.) розыскному дѣлу, до кормилицы ничего не касалось.» Что̀ же до преображенскаго солдата Алексѣя Львова и человѣка его Ивана Чиркова, то ихъ приказано было выслать въ Пететербургъ, «въ самой крайней скорости».

20 сентября московскій оберъ-комендантъ, на основаніи сего приказа, освободилъ изъ-подъ караула кормилицу Маѳу Афанасьевну и всѣхъ ея людей, а три мѣсяца спустя, 30 декабря 1719 г., съ письмомъ на имя И. И. Бутурлина, выслалъ въ Петербургъ, подъ конвоемъ, *Алексѣя Львова* и *Ивана Чиркова*. Конвойный вахмистръ везъ все слѣдственное дѣло и подлинныя письма царевича, надѣлавшія столь много хлопотъ и причинившія такъ много страха доброй кормилицѣ и ея слугамъ.

Письма эти склеены были Измайловымъ, по старинному, въ длинный свитокъ, при чемъ тщательно сохранены были многія печати и всѣ отдѣльные лоскутки. Въ такомъ видѣ уцѣлѣлъ этотъ столбецъ до настоящаго времени.

Чѣмъ кончилось дѣло для Львова и его слуги, изъ дѣлъ не видно; что̀ же касается до Григорьева, то судьба наказала неблагодарнаго старика: не дождавшись освобожденія, онъ умеръ въ тюрьмѣ.

Что̀ побудило старика Григорьева на гнусный доносъ, что̀ заставило его такъ много лгать и на закатѣ дней своихъ запятнать себя столь чернымъ поступкомъ? Прямаго отвѣта мы не находимъ въ документахъ слѣдственнаго дѣла; но отвѣтъ ясенъ изъ всѣхъ обстоятельствъ обвиненія и оправданій: старикъ хотѣлъ поступить въ монастырь, искалъ для этого денегъ и, можетъ быть, обнадеженный Львовымъ, продалъ за обѣщанныя деньги свою благодѣтельницу, кормилицу царевича.

Корыстолюбивый и злой зять Маρѳы Афанасьевны вырылъ для нея яму самымъ старательнымъ образомъ, нашелъ въ слабомъ старикѣ извѣтчика, въ вѣрномъ слугѣ—составителя доноса, сыскалъ трехъ законныхъ свидѣтелей и самъ умылъ руки.

Но дѣло было слишкомъ ясно, показанія доносчика столь же сбивчивы, какъ согласны оправданія забранныхъ лицъ, наконецъ найденныя письма Алексѣя Петровича слишкомъ невинны.

Столь опытный и искусный судья, какимъ былъ Ушаковъ, не могъ ошибится, и онъ съ разу нашелъ во Львовѣ настоящаго преступника.

Довелось ли Львову извѣдать тяжесть розыска при петербургскомъ допросѣ, либо просто отдѣлался онъ нещаднымъ штрафованіемъ батожьемъ, мы еще не доискались.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ПИСЬМА ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ КЪ КОРМИЛИЦѢ.

1704—1716.

1704 г.

5. Кормилица здравствуй! Я живъ, слава Богу. Алексѣй. На обор: подано іюля въ 11-й день. 1704 г.

6. Кормилица здравствуй! Алексѣй. Отъ Нарвы. Іюля 14 числа 1704 г.

7. Кормилица здравствуй на вѣки! Я живъ. Пиши ко мнѣ; а для чего ты не пишешь, того не вѣдаю. Алексѣй. Іюля 23. 1704 г.

8. Кормилица здравствуй! Я живъ. Алексѣй. Августа 5 1704 г. На оборотѣ приписка другой рукой: «Кумушка здравствуй со свѣтомъ нашимъ государемъ царевичемъ и съ Василіемъ Ивановичемъ!

9. Кормилица здравствуй! Я живъ, слава Богу. Алексѣй. Приписка другой рукой: «Писано сентября въ 20 день, а мнѣ прислано отъ Василья Григорьевича сентября 24 числа.»

10. Кормилица здравствуй! Я живъ, слава Богу. Алексѣй. Приписка другой рукой: «Писано 29 сентября, а подано октября 6».

11. Кормилица здравствуй! Я живъ. Алексѣй. Изъ Нарвы 9 октября.

12. Кормилица здравствуй и съ мужемъ на вѣки! Зѣло благодаренъ за ваше писаніе и впредь сего желаю. Алексѣй. Изъ Нарвы. 17 октября 1704 года, На оборотѣ: «отдать кормилицѣ».

13. ✝ Кормилица здравствуй съ мужемъ на вѣки, о Господѣ! Благодаренъ за писаніе ваше и впредь сего желаю. Алексѣй. Изъ Нарвы. 8 ноября 1704 года, получено въ Москвѣ 18 ноября. На оборотѣ: ✝ Василью Ивановичу Колычеву.

14. Кормилица здравствуй и съ Васильемъ Ивановичемъ на вѣки! Благодаренъ за письмо ваше и впредь сего желаю. Алексѣй. Изъ Нарвы. Ноября 21. 1704 года. Получено въ Москвѣ 1 декабря.

1707 г.

15. Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте о Господѣ! За писаніе твое благодаренъ и впредь сего желаю. Алексѣй. Приписка: «Василій Ивановичъ, государь мой, здравствуй и съ Марфою Афанасьевною! Вѣрный твой слуга Василій Нарышкинъ поклонъ отдаю. Января 5. 1707 г. На оборотѣ: «В. И. Колычеву въ Москвѣ».

16. ✝ Марфа Афанасьевна здравствуй о Господѣ! Пріѣхалъ я въ Севскъ вчерась въ вечеру, и Василья Ивановича съ сею грамоткою отпускаю къ тебѣ. Прими его въ цѣлости. Алексѣй. Изъ Севска, января 7.

17. ✝ Василій Ивановичъ! Поставь Степана Павлова къ смотру Тихону Ивановичу сего дня или утре рано, а посмотря, хотѣлъ отпустить. Алексѣй. Генваря 14.

18. ✝ Марфа Афанасьевна здравствуй о Господѣ! Василья Ивановича отпустимъ къ тебѣ въ добромъ здравіи. Алексѣй.

19. ✝ Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте о Господѣ! Послалъ я къ тебѣ молитвенничекъ, да Марфѣ Афанасьевнѣ матерійце. Алексѣй. Изъ Кіева января 15. 1707 г. На оборотѣ: «В. И. Колычеву». Получ. въ Москвѣ 30 января съ Николаемъ Алмазниковымъ.

20. ✝ Грамотка пятая. Василій Ивановичъ здравствуй и съ Марфою Афонасьевную о Господѣ! Пишите ко мнѣ и посылайте къ Домнѣ Андреевнѣ, чтобъ она посылала чрезъ почту съ своими письмами. А мнѣ зѣло сумнительно, что отъ васъ писемъ нѣтъ. Алексѣй. Изъ Москвы марта 11 дня 1707 года. (На оборотѣ: В. И. Колычеву.

21. ✝ Грамотка шестая. Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте о Господѣ! За писаніе ваше зѣло благодаренъ, и впредь сего желаю. А что ты Василій Ивановичъ писалъ о деньгахъ, что Иванъ Патрикѣевъ еще не отдалъ, а сказывалъ тебѣ, что еще не взялъ у кого надобно взять: и мнѣ тѣ люди писали, чтобъ еще я не велѣлъ брать съ нихъ. И я имъ писалъ, чтобъ отдали не мѣшкавъ Ивану. А когда Иванъ возьметъ, и въ тотъ часъ вамъ (бы) отдалъ. Алексѣй. Марта 24. Москва 1707 года. Вверху его же рукой: «зѣло благодарствую, что вы также приписываете, и впредь сего не оставьте». На оборотѣ: «В. И. К.»

22. ✝ Грамотка восьмая. Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте о Господѣ! Для чего вы ко мнѣ не пишите на почтахъ? Я вамъ писалъ, чтобъ писать на почту марта въ 11 день, и чаю, что то письмо къ вамъ не дошло? Алексѣй.

23. «Здравствуй Василій Ивановичъ въ день тезоименитства твоего на множество лѣтъ, и въ день Пасхи святыя здравствуй и съ кормилицею! Пишите ко мнѣ на Смоленскую почту. Я буду жить въ Смоленскѣ. Алексѣй. Изъ Кіева. Мая 6 дня 1707 г. (Получ. мая 15.)

24. ✝ Грамотка... Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте! Пишите ко мнѣ въ Смоленскъ, по вся почты, я сего желаю. Отпишите, много ль писемъ моихъ принесли? Алексѣй. Изъ Смоленска мая 17 дня 1707 г.

25. ✝ Марфа Афанасьевна здравствуй о Господѣ и съ новорожденнымъ сыномъ Николаемъ! а Василій Ивановичъ пріѣхалъ до насъ въ добромъ здравіи. Алексѣй. Изъ Смоленска мая 26 дня 1707 г. (На оборотѣ: «М. А. Колычевой.»)

26. ✝ Грамотка 15. Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте о Господѣ! Пишите ко мнѣ. Алексѣй. Писано вскорѣ, изъ Смоленска іюня въ 8 день. (На оборотѣ: «В. И. Колычеву. Получено въ Москвѣ 11 іюля.»)

27. Марфа Афанасьевна здравствуй на вѣки! Пажалуй прикажи къ намъ (написать), если тебѣ отъ болѣзни свободнѣе? Алексѣй... Бога молю.

28. ✝ Василій Ивановичъ здравствуй и съ кормилицею! Благодаренъ за писаніе и впредь сего желаю. Алексѣй. Изъ Смоленска. Іюня 10 день. (Приписка другой рукой: слуга твой Иванъ Нарышкинъ челомъ бью. Получ. 3 іюля).

29. ✝ Грамотка 17. Василій Ивановичъ съ Марфою Афанасьевною здравствуйте о Господѣ! За писаніе твое зѣло благодаренъ и впредь сего желаю. Алексѣй. Изъ Смоленска іюня 15 дня. Отпиши, инова какова дѣла не приказали ли тебѣ? Письмо съ Москвы къ тебѣ посланное, посылаю съ симъ же письмомъ. (Приписка другой рукой: «вѣрный вашъ слуга Алексѣй Нарышкинъ за писаніе благодарствую; а на особомъ письмѣ не погнѣвайтесь, вскорѣ стало. Іюня въ 18 день 1707 г.»)

30. ✝ Грамотка 18. Василій Ивановичъ съ Марфою Афанасьевною здравствуйте и съ сыномъ о Господѣ! За писаніе ваше благодарствую и впредь сего желаю. Богъ тебя проститъ, что написался ваксою (?), только впредь не делай сего (?). Изъ Смоленска іюля въ 6 день. 1707 г. (Получ. въ Москвѣ 10 іюля.)

31 ✝ Грамотка 20. Василій Ивановичъ и кормилица здравствуйте о Господѣ! Благодаренъ за писаніе и впредь сего желаю. Алексѣй. Изъ Смоленска. Іюля 13 дня. (Приписка другой рукою: «Иванъ Нарышкинъ челомъ бью и съ кормилицею.)

32. ✝ Грамотка 21. Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте! Благодаренъ за писаніе и впредь сего желаю. Алексѣй. Изъ Смоленска 20 іюля. Поздравь отъ меня имениннику въ новый годъ (?). Поклонися Михаилу Григорьевичу Нарышкину.

33. ✝ Грамотка 20, 22 или вяще. Василій Ивановичъ здравствуй и съ Марфою Афанасьевною о Господѣ! За писаніе твое благодаренъ и впредь сего желаю, а паче желаю васъ видѣть. Буде те великаго дѣла нѣту на Москвѣ, побывай у меня здѣсь, по обѣщанію своему, прежнему. Алексѣй. Изъ Смоленска 29 іюля. (На оборотѣ: «В. И. Колычеву. Получ. 4 августа.»)

34. ✝ Грамотка 29. Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте о Господѣ! За писаніе твое благодарствую, и впредь сего желаю. Алексѣй. Изъ Смоленска. Августа 10 дня 1707 года.

35. ✝ Грам. 27. Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте! По письму отъ батюшки, велѣно мнѣ ѣхать къ нему въ Варшаву; а и вамъ бы приказать Алексѣю Ивановичу Нарышкину именно. И я отъѣзжаю сего часа изъ Смоленска. Алексѣй. Смоленскъ. 17 августа. За писаніе твое, писанное августа 13 дня, благодарствую, и впредь сего желаю. И нынѣ, когда станешь писать ко мнѣ, присылай письма Алексѣю Ивановичу въ Смоленскъ, а онъ будетъ отсылать ко мнѣ въ Варшаву. Алексѣй.

36. Пивовара Бориса Косова, Марфа Афанасьевна, отослать и о семъ ко мнѣ отпиши. Алексѣй. Смоленскъ 15 сентября 1706 года. На оборотѣ, его же рукой: «Василій Ивановичъ, Марфа Афанасьевна здравствуйте о Господѣ!»

«Бориса Ивана Косова отошлите къ Роману и прикажите Роману, чтобъ его прислалъ ко мнѣ, въ Смоленскъ, на ямскихъ подводахъ, а буде Василій Ивановичъ ко мнѣ поѣхалъ и сего.»

37. Марфа Афанасьевна здравствуй о Господѣ!

Василій Ивановичъ пріѣхалъ сюда въ добромъ здравіи вчера. За писаніе твое благодаренъ и впредь того желаю. Алексѣй. Изъ Смоленска 18 сентября. 1707 года.

1711 г.

38. Марфа Афанасьевна здравствуй! Я пріѣхалъ сюда благополучно 10 дня сего мѣсяца; а жена моя будетъ сюда вскорѣ. Алексѣй. Изъ Торуня въ 10 день 1711 года. (На оборотѣ: «М. А. Колычевой.»)

1712 г.

39. Марфа Афанасьевна здравствуй! благодаренъ за писаніе. Алексѣй. Изъ Торуня въ 23 день генваря 1712 г.

1713 г.

40. Марфа Афанасьевна здравствуй! Пожалуй, не печалься о случившихся тебѣ печалѣхъ. Буди воля Божія! Богъ, Который далъ, Тотъ и взялъ. Деньгъ на нужды велѣлъ я вамъ дать триста рублевъ Ивану Васильевечу Кикину. Алексѣй.

1715 г.

41. Марфа Афанасьевна здравствуй! Сего мѣсяца въ 12 день, передъ свѣтомъ, родился у меня сынъ, которому дано имя Петръ. Алексѣй. Изъ Петербурга. Въ 14 день октября 1715 г. (На оборотѣ: «Честнѣйшему отцу Іоанну Афанасьевичу, Благовѣщенскаго собора ключарю.») Приписка ключаря: «Кумушка и сестрица здравствуй о Господѣ! Поздравляю тебѣ съ новорожденнымъ царевичемъ царевичевымъ, Петромъ Алексѣевичевымъ. И сіе отца его государева, государя препосылаю тебѣ: здравствуй о Господѣ!» Получено 3 ноября.

1716 г.

42. Марфа Афанасьевна здравствуй! Писаніе твое чрезъ Скрыплева получилъ, за что благодарствую. Денегъ на ваши нужды велѣлъ выдать я Ивану Васильевичу Кикину двѣсти рублевъ. Алексѣй. Изъ Рожествена. Февраля 7 дня 1716 г.

Неизвѣстныхъ годовъ:

43. Марфа Афанасьевна здравствуй, въ день тезоименитства твоего! Отпиши, что тебѣ Богъ далъ—сына или дочь? Алексѣй. Сентября въ 5 день.

44. Василій Ивановичъ и кормилица здравствуйте! А о мнѣ увѣдомитеся въ письмѣ ключаревомъ. Алексѣй. (На оборотѣ: «Ключарю Ивану Афанасьевичу или В. И. Колычеву къ Москвѣ, декабря въ 11 день.»)

45. Госпожа кормилица, Марфа Афанасьевна здравствуй, на многа лѣта!

46. Марфа Афанасьевна здравствуй на вѣки! За писаніе ваше благодаренъ, и впредь сего желаю. Алексѣй.

47. Марфа Афанасьевна здравствуй въ день тезоименитства твоего во многа лѣта! Алексѣй.

48. Марфа Афанасьевна здравствуй! Благодаренъ за писаніе и впредь сего желаю. Алексѣй. (На оборотѣ: «Ив. Афан., ключарю благовѣщенскому.»)

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ.

2007043293